

Трагическое возвращение: Д. Мирский в Соединенном Королевстве и в Советском Союзе

Елизавета Илларионова
Università degli Studi di Bergamo

Книга

Рецензируется русское издание критика Дмитрия Мирского, *О литературе и искусстве. Статьи и рецензии 1922-1937*, под редакцией О.А. Коростелева и М.В. Ефимова, перевод М.В. Ефимова, предисловие Джеральда С. Смита, Москва: Новое литературное обозрение, 2014.

Контакты

elizaveta.illarionova@gmail.com

В последние годы в России и Европе отмечается возрождение интереса к культуре русской эмиграции,¹ и переиздание работ Дмитрия Мирского является частью этой тенденции. С 1987 года в печати появились различные сборники статей, представляющие его критическое наследство на русском и английском языках. Не хватало еще издания, составленного согласно научным критериям и снабжённого комментариями, а также способного вместить деятельность Мирского в течение всей его жизни, не ограничиваясь одним периодом или одним языком. Теперь замечательная работа по комментированию и переводу О.А. Коростелева и М.В. Ефимова упрощает для русских исследователей изучение англоязычных текстов Мирского, а хронологический порядок, выдержанный без разделения по языку, способствует сравнительному анализу текстов, написанных для английского и русского читателя. В рецензируемой книге собрано более ста текстов, ранее не перепечатававшихся, причем сорок пять из них не были переведены с английского языка. Впрочем, десять переводов уже были опубликованы авторами в журнале «Русская литература» в 2013 году, с теми же примечаниями (кроме небольших последующих добавок), что и новое издание 2014 года.

По сравнению с предыдущими изданиями, книга *О литературе и искусстве* более полно и авторитетно воссоздаёт деятельность этого эклектического литературного критика, воспроизводя в хронологическом порядке, в русском оригинале или переводе с английского, статьи, написанные Мирским между 1922 и 1937 годами. Этим изданием, таким образом, может считаться завершённым трудное возвращение на родину важнейшего персонажа русской эмиграции, хотя историческая и критическая работа над его наследством ещё только в начале пути.

¹ См., например, публикации последних лет серии «Europa Orientalis», особенно выпуски *Русско-итальянского архива* и книги под редакцией С. Гардзонио и Б. Сульпассо, и под редакцией Д. Рицци.

Возвращение было и в его биографии, но с трагическим финалом. Наследник одной из древнейших русских аристократических семей (отец из рода князя Святополка Окаянного, мать – Екатерины II), князь Дмитрий Петрович Святополк-Мирский – который в советской печати, по понятным идеологическим причинам, пользовался только второй фамилией – сражается в первой мировой и далее в гражданской войне на стороне белых, попадает в польский концлагерь, бежит в Афины. В 1921 году уезжает в Лондон, где начинает преподавать в School of Slavonic Studies Королевского Колледжа и становится видным представителем русской диаспоры. Участвует в евразийском течении (о котором недавно снова заговорили с появлением в официальной российской риторике концепции «русского мира» в связи с украинским кризисом), потом становится марксистом и, наконец, возвращается на родину в 1932 году, намереваясь быть правоверным сталинским литератором. Начинает карьеру верного марксизму критика под эгидой Максима Горького, но с его смертью оказывается в опасности. Несмотря на то, что он «в полной мере освоил советский лексикон» (21), в 1937 году Мирский был арестован по обвинению в шпионаже и отправлен в ГУЛАГ под Магаданом.

Действительно трагическая жизнь; но это не единственная причина интересоваться фигурой Святополка-Мирского. Его положение было в каком-то смысле из ряда вон выходящим, его можно описать бахтинским термином «вненаходимость»: благодаря двойной эмиграции Мирский стал своим, но и чужим, и английской и русской литературе. Опыт отчуждения, который испытывает любой, кто пересекает границу, и который для работников гуманитарной области усугубляется необходимостью идеально владеть языком и культурой новой родины, чтобы иметь возможность работать, повторилась для Мирского дважды. Непосредственная связь с родной культурой была потеряна, так что некоторые литераторы из эмигрантских кругов даже обвиняли Мирского в плохом знании русского языка;² связь с английской культурой, хотя и крепкая, не могла быть такой же прямой, как и для урожденных британцев. При этом, такая позиция вынужденной чуждости, приведшая в конечном счете к личной трагедии Дмитрия Мирского, способствовала написанию интереснейших статей. Ведь у него была привилегированная точка зрения на обе литературные культуры, английскую и русскую (и советскую). Обширные знания в литературе континентальной Европы дополняют портрет ученого, который не мог не быть исключительным. Пишет Джеральд С. Смит во вступительной статье:

Мирский понимал, что ему довелось стать современником расцвета русской литературы и что знание этой литературы дано ему из первых рук. В то же время он ощущал себя частью европейской культурной элиты своего времени и знал, что ему нечего бояться: со своими современниками-европейцами он говорил на их языках, знал их литературу в оригиналах, тогда как они не располагали знаниями ни русского языка, ни созданной на нем литературы. (14)

Мирский играл роль посредника между культурами с азартом и постоянством. Из хронологии его статей и рецензий, даже только тех, что опубликованы в рецензируемом издании, видно его прилежание. Между 1922 и 1929 годом он

² Говорят, что Зинаида Н. Гиппиус иронически вспоминала «очень затруднённую русскую речь» (Мирский *О литературе и искусстве* 454).

пишет английские рецензии на все важнейшие публикации русских критиков, среди прочих и формалистов, чтобы донести их идеи до публики Соединенного Королевства; опять же по-английски он рецензирует европейские издания о русской литературе. В то же время князь пишет многочисленные эссе, в которых подводит итоги литературной и критической ситуации в русской и английской культурах, а также углубляется в важнейшие темы и творчество крупнейших авторов. В английской печати он одним из первых признает заслуги критики формалистов в своих позитивных рецензиях на книги Жирмунского, Томашевского, Эйхенбаума. Наоборот, русских читателей он информирует о состоянии английской литературы, в особенности о таких «тяжеловесах» как Джеймс Джойс, Т.С. Элиот, Вирджиния Вулф, Эзра Паунд.

Владение основными европейскими языками (кроме английского, он хорошо знал французский, немецкий и итальянский), а также глубокие и обширные знания позволяли ему свободно двигаться между античной и новой литературой, между критикой и философией. В юности, в 1908 году Святополк-Мирский поступил в Петербургский университет для изучения китайского языка: этот выбор, как пишет в предисловии Джеральд С. Смит, «был нетипичен для представителя той среды, к которой Мирский принадлежал, однако чрезвычайно характерен для Мирского как будущего историка и участника евразийского движения» (9). В 1911 г. бросил университет ради военной карьеры, но уже в 1913 вышел в отставку и вернулся в университет, а в 1914 защитил диплом экстерном на классическом отделении историко-филологического факультета. Перед ним открывалась блестящая академическая карьера, но первая мировая война, а затем революция вынудили изменить планы. Тем не менее, во время войны он умудрился получить ещё один диплом на историко-филологическом факультете Харьковского университета.

Мирский принадлежал к чрезвычайно плодородной для гуманистической культуры эпохе и среде: в Петербурге он учился в одной гимназии с Виктором Жирмунским и Львом Пумпянским, знал Михаила Кузмина, посещал «башню» Вячеслава Иванова. После 1913 г. был членом «цеха поэтов», основанного Львом Гумилёвым и Сергеем Городецким, где был знаком, среди прочих, с Осипом Мандельштамом и Анной Ахматовой. В годы эмиграции общался с Мариной Цветаевой и по её сборнику стихов *Вёрсты* назвал основанный им евразийский журнал. Был знаком с самыми видными представителями русской диаспоры, хотя не со всеми был в хороших отношениях; его критика, часто язвительная, принесла ему много врагов. Георгий Адамович называл его «“enfant terrible” эмигрантской – Е.И. > русской критики (с большим ударением на “enfant”, чем на “terrible”)» (Адамович 1). Русская эмиграция Лондона и Парижа была с ним не очень дружелюбна; не лучше оказалась и советская критическая среда, в которую он пытался влиться после возвращения на родину.

Образ этого эксцентричного (в буквальном смысле чужеродного, исключенного из круга) критика дополняется характеристикой ангажированности. Он воплощает традицию русской литературной критики, которая ведёт начало от Белинского: критики страстно субъективной и личной, столь же захватывающей при чтении сколь, часто, приносящей обиды и личные обвинения. В этом он превосходит другого великого литератора русской эмиграции: Владимира Набокова. Как и он, Мирский склонен к ‘тенденциозной’, ‘воинствующей’ критике, в эстетическом прежде чем в политическом смысле (хотя, после

возвращения на родину, идеологическая тенденция возьмет верх над любыми другими соображениями).

Сам Набоков даёт причину для такого сближения, когда в письме Роберту М. Глауберу 9 апреля 1949 г. пишет:

Dear Mr. Glauber,

Yes—I am a great admirer of Mirsky's work. In fact, I consider it to be by far the best history of Russian literature in any language including Russian. Unfortunately I must deprive myself of the pleasure of writing a blurb for it, since the poor fellow is now in Russia and compliments from such an anti-Soviet writer as I am known to be might cause him considerable unpleasantness. (Nabokov, *Selected letters* 91)

Глаубер был ответственным редактором *Истории русской литературы* Мирского в издательстве Альфреда А. Кнопфа и просил Набокова прорекламировать книгу; как мы видим, отказ основывался на благородных причинах, хотя в 1949 году автор был мертв уже более десяти лет. Мы знаем, что участь жертв сталинских репрессий была неведома не только тем, кто, как Набоков, жил за границей уже несколько десятилетий, но и ближайшим родственникам.

Сходство между двумя критиками заметно в их суждении о Достоевском, хотя в произведениях Мирского, собранных в рецензируемом издании, оно не выражено пространно, а ограничено кратким предисловием к книге Е.Х. Карра *Dostoevsky (1821-1881). A New Biography* (1931). Тем не менее, в общих чертах его мнение совпадает с тем, которое Набоков выражает в *Лекциях по русской литературе*, начиная с признания (Мирский в нём цитирует исследование итальянского ученого Марио Прац о романтической литературе) долга Достоевского в отношении сентиментального и готического романа Самуэля Ричардсона, Анны Рэдклифф, Чарльза Диккенса, Жан-Жака Руссо и Эжена Сю. Отрицательное отношение к персонажам тоже совпадает; так, Мирский заявляет: «Я нахожу малопривлекательными и князя Мышкина, и Дмитрия Карамазова» (226), а в устной версии доклада *Вечные смерти в предреволюционной литературе*, по свидетельству Адамовича, приводит пример Розанова как более крупного писателя чем Достоевский.

Набоков более пространно отзываясь о персонажах Достоевского, составляя также знаменитую классификацию их психических расстройств (эпилепсия, маразм, истерия, психоз), так что он несомненно согласен с Мирским по поводу их «малопривлекательности». Притом, в лекции о Достоевском Набоков несколько раз цитирует Мирского, не приводя точный источник слов; однако можно предположить, что он обращался к *Истории русской литературы*, которую, как мы видим, он хорошо знал.

Еще одна общая для обоих критиков-эмигрантов характеристика – стремление к максимальной простоте изложения, близкой к разговорному языку. Это осознанный выбор, так как легкость изложения – черта, которую Мирский хвалит и в чужих произведениях. Также он восхищается даром синтеза, например, в работах биографа Литтона Стречи. Иногда, тем не менее, стремление к краткому и оригинальному выражению приводит критика к упрощениям, которые всегда готовы раскритиковать другие литературоведы той же среды.

Следующий фрагмент может считаться эмблемой как многогранности знаний Мирского, так и его манеры формулировать безапелляционные суждения,

звучащие, тем не менее, всегда убедительно. Речь идет от сравнении Пушкина с Леопарди:

Классицизм и фатализм – неразлучные союзники. И всегда будет так, что классицист, если он не христианин, не может не придерживаться этого трагического взгляда на моральный универсум, единственно прочного и разумного вне религии. Не нужно далеко ходить за сравнениями: Леопарди был почти современником Пушкина, и принципиальная разница между ними была лишь в том, что у итальянца было исключительно мало жизнеспособности, а у русского ее было больше обычного. Леопарди ненавидел и презирал; Пушкин любил этот мир и человеческую жизнь. Но их *знание* о главном было по сути одинаковым. (65)

Русский и итальянец жили почти в те же годы (Леопарди родился в 1798, Пушкин на год позже; умерли оба в 1837), оба из позднего романтизма обратились к реализму, оба были восхитительными лириками; Мирский сравнивает их с почти возмутительной категоричностью. Его суждение ничем не мотивировано, напротив, приведено как бы мимоходом; тем не менее, звучит оно убедительно.

Это не единственный случай обращения к итальянской культуре: Мирский последовательно рецензирует книги, выпущенные под руководством слависта Этторе Ло Гатто. Суждения критика в их отношении в основном позитивны, хотя он не может удержаться от того, чтобы отметить ошибки в переводе старославянских слов и похвастаться знаниями, равными знаниям авторов статей, вспоминая источники и произведения литературы, незаслуженно – по его мнению – ими забытые. Тем не менее, помимо этих мелких замечаний, Мирский всегда выражает свое восхищение работой итальянского слависта.

Вообще, всякий раз, когда представляется случай похвастаться своей исторической и филологической образованностью, Мирский сбрасывает личину страстного и едкого критика и превращается в знатока славянской старины. В статье *Old Russian Literature: Its Place in the History of Civilisation*, опубликованной в 1924 г. в «The Slavonic Review» и приведенной в рецензируемом сборнике в русском переводе (*Древнерусская литература и ее место в истории цивилизации*), Мирский проявляет себя тонким знатоком истории русской цивилизации и памятников ее искусства. Здесь он берет на себя ответственность за беспрецедентную работу по культурному посредничеству, информируя английских читателей о теме, о которой они не имеют ни малейшего понятия.

После возвращения на родину критик не сможет более выполнять свою деятельность посредника между культурами, напротив, будет писать в основном о советских авторах для советских читателей; в 1936 г. даже возьмется воспевать грузинскую литературу, вероятно в попытке добиться милости всемогущего Сталина. Тем не менее, с 1935 г. до дня ареста (а возможно, и после него) он будет продолжать работу над *Антологией новой английской поэзии*, которая станет знаменита своим высоким качеством. Книга выйдет после его ареста и будет подписана именем переводчика Михаила Наумовича Гутнера. Предисловие к антологии – последний текст, включенный в рецензируемый сборник.

Главное достоинство книги состоит именно в том, что хронологическая последовательность статей без разделения на языки или темы восстанавливает идеологический сдвиг и последовавшую за ним личную трагедию Мирского. Начиная с 1933 года – переломный год отъезда, 1932, не представлен публикациями – книга читается также как увлекательный и драматический триллер,

конец которого легко угадать. Место эстетического суждения и стремления казаться *enfant terrible* эмигрантской критики занимает идеологическая направленность, выраженная в самых затёртых штампах советской критики.

После марксистского пафоса статей первой половины тридцатых годов, резко критических в сторону всего, что отклоняется от прямого пути социалистического реализма, первые нотки страха и отчаяния слышны в некрологе покровителя, Максима Горького:

Горький был великий гуманист, гуманист, совершенно свободный от гуманной мягкотелости того, что буржуазные краснобаи называют гуманизмом. Великая любовь к человеку, великая гордость человеческой природой и ее возможностями были неотделимы в Горьком от той великой ненависти, которая одна делает любовь достойным человеческим чувством. В Горьком жила беспощадная ненависть к врагам трудящегося человечества, ко всему, что калечило и калечит человеческую душу, — к религии, к частной собственности, к фашизму, этому предсмертному зловонию капитализма. Но эта ненависть рождалась и страстным стремлением построить мир, достойный возможностей человека. (341)

В этой хвале «великой ненависти» покойному покровителю трудно не обнаружить некоторую зависть. После смерти покровителя Мирский, конечно, почувствовал себя незащищенным и подверженным ненависти многих, и, возможно, мечтал о том, чтобы схожая сила ненависти защищала его от врагов. Но он был совсем другим, порицаемая им «гуманная мягкотелость» составляла ядро его природы как интеллигента. Об этом свидетельствует та защитная позиция, в которую он встаёт в статьях тех лет. Во враждебном мире, где атаковать и обвинять других было признаком верности партии, подобная позиция была опаснейшей из возможных. Внутренняя эмиграция, которую избрал в те же годы Михаил Михайлович Бахтин, скрывавшийся в маленьких городах, чтобы избежать атак, позволяла выживание в неустойчивом равновесии; «великая ненависть» Горького давала право на рискованную, но высокую позицию на вершине партии. Но князь-репатриант, который пытался заставить себя услышать, но не имел достаточной силы, чтобы защититься от нападений, не мог выжить.

В эссе о Блоке того же 1936 г., что и некрологи по Горькому, Мирский пишет слова, которые мы можем отнести к нему самому:

Конечно, как Толстой был отрезан от подлинного демократизма своей глубочайшей антиреволюционностью, так и Блок был отрезан от подлинной революции своим мистическим эстетизмом. Но все же стрелка его творчества смотрит в нашу сторону, и в конечном счете он наш, он из тех, за кого мы боремся. И это направление стрелки имеет особенно решающее значение в наше время, время анархистов, троцкистов и «Edelkommunist'ов», делающихся фашистами, и буржуазных гуманистов, эстетов и либералов, честно становящихся под знамена революционного пролетариата. (353)

Этот фрагмент достоин внимания, потому что «буржуазных гуманистах, эстетов и либералах, честно становящихся под знамена революционного пролетариата» мы ясно узнаем портрет самого критика, который между строк подтверждает искренность своей социалистической веры. Но «направление стрелки» в сторону марксизма, которая европейскому интеллектуалу Мирскому казалась достаточной идеологической гарантией, не была таковой для его клеветников.

Особенно драматическими выглядят попытки защититься от критики и объясниться в предпоследнем из опубликованных текстов: *Письмо в редакцию*. В нем Мирский, жёстко раскритикованный Д. Заславским за статью *Проблема Пушкина* (которое, к сожалению, не приводится в сборнике), признает свои «грубые ошибки» (357) со смирением, способным вызвать сострадание любого читателя. Он признает за собой такие грехи как «вульгарно-социологическое понимание сущности пушкинского творчества», «неумение понять», «формалистическое понимание». Покаяние заканчивается намерением «на практике выправить мои ошибки и с большим чувством ответственности перед многомиллионным социалистическим читателем дать правильное понимание великого поэта» (358). Но между строк читается, помимо раскаяния, страх за собственную жизнь. В 1936 г., если не раньше, Мирский прекрасно понял, в какое положение он поставил себя, возвратившись на родину. В предисловии Джеральда С. Смита мы читаем:

Показательно сопоставить письмо Мирского 1926 г. против нападок Зинаиды Гишпиус <речь идет, скорее всего, о постскрипуме к статье *Вечные смерти в предреволюционной литературе*, Мирский *О литературе и искусстве* 163-164 – Е. П.> с предпоследним документом в настоящем сборнике («Письмо в редакцию»), где Мирский дает жуткий пример публичного покаяния, не имеющего никакого отношения к профессиональной полемике, поскольку речь идет о ритуальном жесте – заклятии гибели. Критик как индивидуальный человек беспомощен; правда дана извне. (21)

К сожалению, его худшие опасения оправдались довольно скоро: в 1937 году его английскую друг, историк Е.Х. Карр (автор биографии Достоевского, о которой мы писали выше) при посещении Ленинграда столкнулся с Мирским и, не обращая внимания на отчаянные попытки последнего сделать вид, что они не знакомы, уговорил его пообедать вместе (см. Haslam 76). Общение с иностранцем послужило предлогом для обвинения в шпионаже. Осуждения князь не выдержал жизни в лагерях и умер вблизи Магадана 6 июня 1939 года, не оставляя попыток продолжать работать.

Сравнение с судьбой Михаила Бахтина, о котором мы упомянули ранее, тем более полезно, что в первой беседе с философом, записанной В.Д. Дувакиным, всплывает имя Мирского, и бахтинское суждение о нем оказывается некоторым образом неожиданным. Вот фрагмент беседы:

Д: Я его встречал.

Б: Вы его встречали? Нет, я его не встречал.

Д: Я здесь его встречал. Был такой типичный интеллигент.

Б: Да, я это знаю, типичный интеллигент, наивный. Наивный, так сказать, совершенно.

Д: Очень славный...

Б: Вы понимаете, вообще, вот... Я так представляю себе: вероятно, английские коммунисты из лордов. Ведь английская коммунистическая партия, она своеобразна; рабочих там нет, а лорды и интеллигенция, только. Одним словом, экзотика быть не похожим на других и прочее и прочее. И вот на таких вот коммунистов из лордов похож был этот Святополк-Мирский. Тоже был лорд. (Дувакин 19)

Виталий Махлин справедливо отмечает нотку горького сарказма в словах Бахтина: если Дувакин восхищается князем-интеллигентом и жалеет о его

судьбе, Бахтин скорее язвительен. Чтобы понять его реакцию, мы должны иметь в виду, что Святополк-Мирский «вернулся из эмиграции и встал, поддержанный Горьким, в боевой советский литературно-столичный строй как раз тогда, когда Бахтин отбывал ссылку в Кустанае» (Махлин 518).

Наивный, да, говорит Бахтин; но это не может извинить того, что он примкнул к режиму, жертвами которого пали столь многие – и сам Мирский, в конце концов. Наивность интеллигенции – дурная, опасная наивность; это наивность лорда, незнакомого с реальной жизнью и выбирающего идеологию по капризу.

Единственный недостаток этой интересной книги – решение жёстко соблюдать хронологический порядок при публикации статей, а также исключить все, что уже было опубликовано (единственное исключение составляет *Вечные смерти в предреволюционной литературе*, с характерным объяснением: не из-за важности текста, а потому что в издании 1989 г. был опущен необходимый для понимания текста постскриптум). Из-за этого читатель иногда оказывается в парадоксальном положении. К примеру, приведённый выше доклад Мирского, прочитанный 5 апреля 1926 г. в Союзе молодых поэтов и писателей Парижа на диспуте по поводу *Культуры смерти в русской предреволюционной литературе*, напечатан через несколько страниц после ответа Мирского на критику доклада со стороны Георгия Адамовича. Временной и логический порядок оказывается перевернутым. Это происходит потому что текст доклада был опубликован только во втором номере 1927 г. журнала «Вёрсты», а Адамович высказал свою критику в 169 номере «Звена», вышедшем 25 апреля 1926 г. В таких исключительных случаях хронологический критерий мог бы быть отброшен в пользу логики и удобства читателя. К тому же, возможно, было бы лучше не помещать ответы Мирскому его оппонентов в примечаниях, а публиковать их сразу после текста, к которому они относятся, чтобы читателю было легче воссоздавать столь важные и интересные дискуссии.

Статья *Проблема Пушкина*, о которой говорилось выше, является ещё одним примером того же подхода. В сборнике мы находим ответ Мирского критикам, не согласным с его позицией (Д. Заславский, Н. Свириц, Г. Чулков, Г. Фридендер, В. Гиппиус, С. Медведев) и, после ещё одной группы текстов, последующее покаянное письмо в редакцию «Литературной газеты»; но ни строчки ни из самой статьи, ни из окончательного ответа Д. Заславского *Рекорд критика Мирского*, хотя в примечании к ответу Мирского критикам он даже назван «вердиктом» (512). Понятно, что статья *Проблема Пушкина* длинна и уже опубликована (находится также он-лайн), но опубликование других частей дискуссии должно было бы логически повлечь за собой решение процитировать хотя бы фрагменты текста.

Решение публиковать только неизданное, безусловно, разумно; но возникает сомнение, не была ли логика чтения принесена в жертву логике составления сборника. Для удобства читателя было бы желательно, наконец, чтобы источник статьи, и особенно язык оригинала (русский или английский) был указан не только в примечаниях, но и в заголовке каждого текста. Не зная, читаем ли мы авторский текст или перевод, производит лёгкий эффект острашения.

Мы надеемся, что эти мелкие недостатки будут исправлены в последующих изданиях. А эта публикация останется убедительным воссозданием, разнообразным и увлекательным, но также строгим и научным, неординарной жизни и карьеры.

Библиография

Адамович, Георгий Викторович. “Литературные беседы.” *Звено* 169 (25 апреля 1926): 1-2. Печать.

Богомолов, Николай. Рецензия на *Поэты и Россия: Статьи, рецензии, некрологи*, автор Д.П. Святополк-Мирский. Ред. В.В. Перхин. *Toronto Slavic Quarterly* 2 (2002). Он-лайн: <http://www.utoronto.ca/tsq/02/bogomolov2.shtml>. 13 июня 2015.

Дувакин, Виктор Дмитриевич. *Беседы В.А. Дувакина с М.М. Бахтиным*. Ред. С.Г. Бочаров, В.В. Радзишевский, В.В. Кожин. Москва: Прогресс, 1996. Печать.

Garzonio, Stefano e Sulpasso, Bianca, eds. *Emigrazione russa in Italia: periodici, editoria e archivi (1900-1940)*. Salerno: Università di Salerno, 2014. Печать.

Haslam, Jonathan. *The Vices of Integrity, E.H. Carr, 1892–1982*. London; New York: Verso, 1999. Печать.

Кузнецов, Павел. “Последний князь и русская словесность.” *Звезда* 2 (2011). Он-лайн: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2011/2/ku14.html>. 13 июня 2015.

Махлин, Виталий Львович. “Тоже разговор.” *Бахтинский сборник* 5. Ред. В.А. Махлин. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 514-545. Печать.

Мирский, Дмитрий. “Проблема Пушкина.” *Литературное наследство* 16/18 (1934): 91-112. Печать. Он-лайн: <http://feb-web.ru/feb/litnas/texts/l16/lit-091-.htm>. 13 июня 2015.

---. *Литературно-критические статьи*. Ред. М.В. Андронов, И.Н. Крамов, Л.Н. Чертков. Пред. М.Я. Поляков. Москва: Советский писатель, 1978. Печать.

Мирский, Дмитрий Петрович. *Статьи о литературе*. Ред. М. Андронов. Пред. Н. Анастасьев. Москва: Художественная литература, 1987. Печать.

Mirsky, Dmitry S. *Uncollected writings on Russian Literature*. Ed. G.S. Smith. Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1989. Печать.

Святополк-Мирский, Дмитрий Петрович. “Литературно-критические статьи.” Ред. В.В. Перхин. *Русская литература* 4 (1990): 120-154. Печать.

Мирский, Дмитрий С. “Достоевский (после 1849 г.).” *История русской литературы с древнейших времен до 1925 года*. Пер. Р. Зернова. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. 416-437. Он-лайн: <http://feb-web.ru/feb/irl/irl/irl-4161.htm>. 13 июня 2015.

Мирский, Дмитрий С. *Стихотворения. Статьи о русской поэзии*. Ред. G.K. Perkins, G.S. Smith. Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1997. Печать.

Святополк-Мирский, Дмитрий Петрович. *Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи*. Ред. В.В. Перхин. Санкт-Петербург: Алетейя, 2002. Печать.

Мирский, Дмитрий. “Судья строгий, но праведный». Статьи и рецензии Д. Мирского в журнале «The Slavonic Review» (1922-1929). Ред. О.А. Коростелев, М.В. Ефимов. Пер. М.В. Ефимов. *Русская литература* 2 (2013): 199-232. Печать.

---. *О литературе и искусстве. Статьи и рецензии 1922-1937*. Ред. О.А. Коростелев, М.В. Ефимов. Пер. М.В. Ефимов. Пред. Джеральд С. Смит. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. Печать.

Молодяков, Василий. “Засыпатель рвов.” Рец. на *О литературе и искусстве. Статьи и рецензии 1922-1937*. Ред. О.А. Коростелев, М.В. Ефимов. *Знамя* 1 (2015). Он-лайн: <http://magazines.russ.ru/znamia/2015/1/23m.html>.

Nabokov, Vladimir Vladimirovič. *Selected letters 1940-1977*. Eds. Dmitri Nabokov and Matthew J. Bruccoli. San Diego – New York – London: Harcourt Brace Johanovich, 1989. Печать.

Набоков, Владимир Владимирович. *Лекции по русской литературе*. Пер. А. Курт. Ред. И. Толстой. Москва: Издательство независимая газета, 1998. Печать.

Rizzi, Daniela, ed. *Paralleli: Studi di letteratura e cultura russa*. Salerno: Università di Salerno, 2014. Печать.

Smith, Gerald Stanton. *D.S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890-1939*. Oxford (New York): Oxford University Press, 2000. Печать.

Смит, Джеральд Стэнтон. *Параболы и парадоксы Д. Мирского*. Пред. *О литературе и искусстве. Статьи и рецензии 1922-1937*, автор Д. Мирский. Ред. О.А. Коростелев, М.В. Ефимов. Пер. М.В. Ефимов. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. 5-30. Печать.